

Эпизоды Октября

Из воспоминаний рядового 56-го пехотного полка

В казарме

Однажды полковой комитет пригласил на митинг молодого, весьма интеллигентного вида офицера: «Парень не дурак, судя по его умному и выразительному лицу», — подумал я. Офицер начал с того, что важно, мол, не только победить, но и закрепить победу. Победа против царского строя обошлась легко и сравнительно бескровно лишь потому, что весь народ был против монархии, этой жуткой страницы истории. И он ярко и выразительно прочел нам, солдатам, эту страницу. И долго ее читал. Это была блестящая декламация, «золотой голос», как говорят в США, имея в виду первоклассных ораторов, выступающих во время выборов перед аудиторией «галерки» простых людей. Разоблачив монархический строй, поручик с такой же силой предостерегал нас против тех излишеств, которые могут уничтожить победу. И тогда... Он досказал эту мысль примерами. Трагическим тоном он поведал о последствиях восстания гладиаторов, когда трупы восставших рабов висели на столбах от Рима до Капуи; вспоминал последствия зарубежных крестьянских бунтов и восстаний; о казнях в России Степана Разина и его единомышленников. Рассказал о кровавых итогах революций Франции, о казнях, каторгах, тюрьмах и ссылках в России, начиная от декабристов и кончая 1905 годом. Кровь! Кровь и кровь! Море крови!

Когда он закончил, аплодисментов не последовало, но зато воцарилось довольно длительное молчание. Тишина...

— Так вот куда гнет! — думал я. Чувство ярости мешало мне сосредоточиться, ответить, нанести контрудар, как вдруг, нарушив тишину, раздался чей-то голос:

— А в какой партии вы состоите, господин поручик?

— Ни в какой, — категорически последовал ответ.

— А сочувствуете?

— Правде! И только правде! — торжественно ответил он. И снова наступило молчание.

— А разве одна правда на свете? — очнувшись, наконец, вызывающе крикнул я.

— Как понять? — с деланной мягкостью спросил поручик.

— А так... В настоящее время имеются две правды, — продолжал я.

— А именно?

— Одна за войну до победного конца в интересах буржуазии, другая против войны в интересах рабочих и крестьян. Вы за какую? — Шум пошел по казарме.

— Да, да! — подхватили голоса. — Вы за войну или против нее?

Ответа не последовало. Это взорвало солдат. Со всех сторон раздались возгласы:

— Есть и третья правда: война против буржуев!

— Правильно!

— Тогда и войн не будет!

— Не пугайте нас революцией, как бы на этот раз она не пугнула вас, господ.

— Если революция — море крови, то война — океан...

— Пролетарию терять нечего, кроме своих цепей! — крикнул во весь голос солдат-рабочий.

Оратор растерянно улыбался. Это была жалкая улыбка. Наша «галерка» не поддавалась.

Значительно реже (раз или два) навещали полк и агитаторы-большевики, но острейших разговоров с ними не было. Их принимали, как единомышленников. Кулаки и им подобные, будучи в меньшинстве, выступать не решались.

...Чутко прислушиваемся к Петрограду. Там уже стычки. Новый приказ: 56-й полк весь на фронт! Снова митинг. И новая резолюция, составленная Московским Комитетом партии. Ее читает солдат из Московского Комитета партии.

— Надо выиграть время, — говорит он мне.

В резолюции сказано, что полк не откажется идти на фронт, если, учитывая наступающую осеннюю погоду, солдаты получат вместо ботинок сапоги и соответствующее теплое обмундирование. Солдаты хитро ухмыляются: понятно...

...Ночь. Нелегальное собрание партийных представителей от воинских частей и предприятий. Разговор идет об учете вооруженных сил. Докладывают представители Рабочей гвардии и воинских частей. Кто-то не в меру шутит, кто-то не в меру встревожен: у буржуазии громадное преимущество в командном составе — она лучше организована, у нее власть. Тов. Смидович своим обычным ораторским тоном настаивает на организации еще одной мощной демонстрации солдат и рабочих. Ему резко возражают.

— Хватит! Довольно демонстраций!

— Я боюсь, как бы пушки не расстреляли революцию, если окажутся в руках буржуев, — говорит артиллерист. — Надо быть настороже, чтобы в решительный момент пушки были в наших руках.

Уходя с собрания, мы остро ощущали, как надвигалось невероятно огромное широкое событие, перед которым наши личные судьбы казались микроскопическими. И вся ответственность за это событие лежит на нас.

Своеобразная дисциплина

Появилась своеобразная для того момента дисциплина. Рядовой солдат, шагая за спиной своего товарища, распекает его:

— Тебя выбрали командиром, а ты черт знает где шатаешься!

Командир виновато молчит.

Или другой случай: командир-ефрейтор кричит на рядового, отлучившегося с поста:

— Ежели тебе нужен командир «ваше благородие», тогда катись к юнкерам!

Солдаты дружно поддерживают его.

Невероятно бледный, потный, задыхаясь, вбегает в штаб молодой солдат:

— Давай подмогу! — хрипит он. — Буржуев сила!.. Из 28 бойцов (он назвал улицу и дом) в живых нас осталось только семеро...

Через несколько минут «подмога», сурово нахмурившись, щелкая затворами, ринулась за ним. Уже по одному и по двое появляются добровольцы — разведчики. Попадаются и переодетые шпионы. Все больше и больше пленных. Среди них, кроме юнкеров, кадетов, офицеров и солдат-кулаков, много гимназистов и штатских. Ими заполняют комнаты, сараи.

Солдаты и рабочие невероятно озлоблены против них, буржуев и их прихвостней. Немало усилий стоит удерживать их от расправы над «кадетами», хотя и у нас самих «чешутся руки». Дело в том, что враги, уверенные в своей победе в первые дни, жестоко (как это вообще присуще контрреволюции) расправлялись с попавшими в плен красными.

Красногвардейцы и солдаты привели группу пленных офицеров во главе с генералом. Судя по лощеному виду и блестящим мундирам, это офицерская знать. Держали они себя робко и смиренно.

— Небось, попали к ним в плен наш брат, они бы себя показали, — заметил рабочий, отобравший у них оружие. У одного из них отобрали кинжал.

— Родовой, — с натянутой улыбкой пояснил офицер. На это последовал иронический ответ рабочего:

— Больше он не пригодится вашему благородию.

— Почему? — осторожно спросил офицер.

— Потому что не будет больше никаких родов, — сурово пояснил я.

— Крышка! — подытожил солдат.

Мы поместили их в пустую маленькую комнату. Кто-то принес стулья, но товарищи отобрали:

— Нашим они не только стульев, воды напиться не дадут. В подвалах мучают, морят.

Под утро я заглянул в комнату пленных офицеров. Они мирно спали на полу, а генерал, поджав ноги, сладко храпел на своей шинели с ярко-красной подкладкой...

Ревком

Положение наше улучшается. Этому, говорят, способствуют районные штабы красных. Они нажимают с тыла.

Новая волна возмущения. Прошел слух, что враги, воспользовавшись телефонной станцией, спровоцировали 6-ю роту 56-го полка, находящуюся в Кремле. От имени Военно-революционного комитета они предложили этой роте сдать оружие, так как солдат, мол, пал и сопротивляться бесполезно. Командир роты поверил. Когда безоружные солдаты вышли из казармы, юнкеры встретили их пулеметной очередью. Эта провокация усилила ярость частей того же 56-го полка, наступавшего на Кремль. Следствием этой атаки было неожиданное появление в здании Совета делегации духовенства с хоругвями и крестами, во главе с важным и солидным (судя по облику) представителем церкви. Проходя через «белый зал», я увидел сидящих за столом в углу товарища из Ревкома и представителя церкви с большим золотым крестом в руке. Товарищ о чем-то горячо говорил, в то время как его собеседник, полный, статный красавец, в отлично сшитой рясе, со снисходительной улыбкой слушал его. Мне эта сцена не понравилась.

— Уж не агитирует ли наш товарищ этого барина в рясе?!

Совершенно иной разговор вели на площади солдаты с группой церковных слушателей. Под сплошной грохот боя солдаты и рабочие возмущенно кричали:

— Когда белякам туго приходится, вы к нам с крестами и хоругвями пришли, а где вы были, когда нам было туго?!

— С этими хоругвями ваши погы нас на войну гнали, за помещиков и буржуев кровь проливать, а когда мы за себя воюем, вы нам Лазаря поете... Не выйдет!..

— Вам в Кремле угодников жалко, а 6-ю роту не жалко?

— Катись отсюда! Теперь дураков нет!.. Катись!..

Бледные лица церковников выражали робость: не до улыбки было и их «главе».

Рис. В. Кобелева.

когда он появился перед солдатами. Что-то бормоча и машинально размахивая крестом, он исчез со своей свитой под общий гул и ропот...

День за днем шум и грохот... Шум в голове и туман в глазах... Но надо держаться... Надо! Только ночью затихает шум. Ногин нервничает, настаивает на перемирии. Вместе с Ломовым в качестве парламентариев отправились для переговоров с врагами. Солдаты и рабочие резко выступают против перемирия. Белые грубо и угрожающе вопреки своему «честному» слову вели себя с парламентариями. Перемирия не получилось. И юнкеры и солдаты не прекращали огонь.

...То один, то другой выходят из строя члены Ревкома и штаба. А народ валит. Все рвутся в штаб и в Ревком. Тут и военные, тут и штатские. Все шумят. Сонные часовые — молодые солдаты едва справляются с теми, у кого нет пропусков, а без пропуска впускать рискованно: уже схвачены лазутчики белых. Под утро, направляясь в штаб после проверки ночных патрулей и перестрелки с мародерами, я наткнулся на разведчика белых, который пытался улизнуть. На нем под гимнастеркой был найден панцирь. Пришлось стукнуть его рукояткой трофейного нагана по голове. В кармане у него оказалась круглая, как мяч, бомба.

Прошли еще одни сутки... Туго приходится белым. На них нажимают и районы. Из Иваново-Вознесенска к нам прибыл на помощь отряд. Но передавали также, что и к белым спешил на помощь с фронта кавалерийский отряд.

Последняя ночь

По городу изредка кое-где еще гремели выстрелы, а ночь уже не казалась мне такой напряженной и мрачной. Вдали чуть обозначилось какое-то светлое пятнышко.

— Наши, — сказал шофер. — Должно, костер развели, греются. Надо предупредить.

Я сошел с машины и зашагал вперед к этой светлой точке. Сложив руки рупором, бодро и весело, во всю мочь крикнул:

— Свои! Большевики!

Оттуда донесся чуть слышный голос в ответ.

По мере приближения к своим я чувствовал все нарастающий прилив радости, как после долгой разлуки с самыми близкими и любимыми людьми.

— Свой! Свой! — звонко и далеко разнесился мой голос.

— Давай! Подходи! — приветливо отвечали мне.

Машина двигалась следом за мной. И вот открылась слабо освещенная отблеском скрытого костра баррикада из бревен, булыжника и афишных тумб. Над баррикадой торчали дула, штыки и видны были головы солдат и рабочих.

— Подходи, товарищ, подходи! — просто и сердечно приглашали товарищи.

— Наша взяла! — задыхаясь, мог только выговорить я.

Но и этих слов было достаточно, чтобы товарищи поняли весь смысл их. Одним могучим рывком, как колоду, отбросили они в сторону тумбу.

— Проезжай, браток! Проезжай!

Машина рванулась в образовавшийся проход.

* * *

Итак, я выполнил свое задание. Оставив машину у Городской думы, с трудом передвигая ноги, я пешком направился в наш штаб. Штаб Красных. Штаб Революции.